

Константин Пушилов

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК, как марксизм, издавна имел три источника и три составные части: Михайловское — Тригорское — Петровское. Ныне из частей этих трудно составить единое целое. Петровское с заросшим местами парком — уголок старого музея, каким он был при Гейченко. Тригорское с заново отстроенным барским домом и реконструируемым парком (последнее обстоятельство и вызывало скандалы в музейной среде) — детище новых веяний, новой дирекции. Михайловское, где усадьба Пушкина строится в очередной раз (должна открыться к 200-летию юбилею в 1999 г.), — terra incognita для паломников.

Что делал бы Пушкин, оказавшись, например, на своем празднике этим летом? Бежал, бежал бы Пушкин прочь, не обращая внимания на пересекающих путь зайцев. И не потому, что так переменялись времена. А потому что то, что было некогда

Сегодня 199-я годовщина со дня рождения поэта

ПУШКИНЛЕНД ИЛИ ЗАПОВЕДНИК?

Спор о развитии Пушкиногорья

его личным интимным достоянием, стало достоянием всеобщим. Проще говоря, потому что всюду музей. В музее можно быть живым экспонатом, но жить нельзя.

Заповедник природный понятен: огради природу от вредного влияния человека — она сама будет жить и процветать. В заповеднике культурном так не получится, само ничего не вырастет. Навивно надеяться, что в Пушкинском заповеднике можно сделать все так, «как при Пушкине»: Пушкин не жил в музее. А значит, культурный заповедник — дело рукотворное.

Это рукотворное дело на исходе XX века не то чтобы не спорится, но — раздирается внутренним конфликтом. Нынешний директор Георгий Василевич не скрывает от приезжих корреспондентов, что в музее, как выразились бы в старину, нет единства взглядов коллектива на происхождение. Часть сотрудников с директором солидарны, часть не приемлет многих новаций. Предмет дискуссии — все: от глобального до мелочей, от облика парка в Тригорском до возможности строительства общественных туалетов на заповедной земле. Сторонники новаций уверены, что заповедник развивается, — противники, естественно, говорят, что он разрушается и искажается в угоду моде, наживе, субъективизму etc. В общем, по Высоцкому: «В заповеднике зрело мнение...» Только здесь их два.

Культурное наследие России истреблялось в XX веке так стремительно и масштабно, что любой обжитой уголок представляется ценностью. Но значит ли это, что ценность — вечная? Вот вопрос вопросов нынешнего Пушкиногорья. Может быть, это излишне резкая постановка вопроса, но мы должны решить и осознать, что следует беречь: Пушкинский заповедник как таковой или Пушкинский заповедник нашей дореформенной эпохи?

Здесь можно было бы развернуть обширную картину планов и концепций, разработанных ныне в Пушкинских Горах, но это излишне: концепции — суть слова, пусть и положенные на бумагу. Музей эпохи Гейченко был ценен в первую очередь не концепциями, а кропотливой работой на все расширявшейся территории заповедника. Директор Василевич обронил в беседе с автором этих строк одно парадоксальное суждение. Усадьба, сказал директор, мир особый, в нем нужно жить. И Гейченко в Пушкиногорье не директорствовал — он жил в усадьбе Пушкина; как выражается директор Василевич, «он гениально сыграл роль барина, вернувшегося с войны».

Теперь новая дирекция должна гениально сыграть роль его наследников. Только и всего.

С тем, правда, отличием, что государство не хочет их больше содержать и предлагало недавно возложить это бремя на бюджет Псковской области.

Несмотря на то что «НГ», как правило, публикует письма лишь на специально отведенной полосе «Почта», сегодня мы делаем исключение и публикуем письмо двух сотрудников музея-заповедника Пушкина. Делаем мы это, во-первых, потому, что сегодня — день рождения Александра Сергеевича Пушкина; во-вторых, мы думаем, что стоит прислушаться к мнению компетентных людей, проработавших в музее много лет; в-третьих, проблема действительно слишком сложна, причем это проблема не одного отдельно взятого музея — музейное дело России сейчас переживает сложнейшие времена, и не только с точки зрения финансовой. Сегодня мы публикуем одно мнение относительно реконструкции Пушкиногорья, но в ближайшее время мы обязательно и подробно вернемся к этой теме.

«Дом Лариных»
(Дом Осиповых-Вульф)

«Дом Лариных» (дом Осиповых-Вульф в Тригорском).

Герб рода Пушкиных.

Валентина Бутрина,
Валентина Елисеева

ВОССОЗДАНИЙ однажды заповедник теперь воссоздается вновь. Ценность первого воссоздания отвергается, как и культурологическое значение музейного освоения памятника в последние 50 лет. Поэтому задачей «реставрационных» работ стала реконструкция — и коренная.

Главное: в основе новой концепции лежит не ценность существующего ныне, а его переосмысление. При этом научные руководители и авторы нового проектирования (усадьбы ансамбли — В.Никитин, парковые — В.Агальцова), как говорится, «не в материале», и в материале не могут быть в принципе. Не только ввиду дефицита времени, отведенного им для этого, но и вследствие того, что их представление о предмете реставрации строится на отрицательной оценке сделанного предыдущими поколениями реставраторов и музейщиков. Речь идет о принципиальном неприятии способа существования Пушкинского заповедника как уникальной по своим художественным особенностям экспозиционно-музейной системы. А ведь это был единственный возможный способ, позволивший разрушенному до основания заповеднику не только вернуть свое историко-культурное значение, но и придать себе новую ценность. Проще говоря, было создано особое произведение — так сказать, музейно-экспозиционного искусства. С композиционной целостностью, завершенностью и другими свойственными произведениям искусства характеристиками.

То есть памятник вновь воссоздается, реконструируется. Значение же Пушкинского заповедника как памятника отвергается. Получается, что задачей реставрации является не реставрация сама по себе и даже не ремонт, а реконструкция. Коренная. При этом авторами провозглашается воссоздание так называемой исторической подлинности и достоверности. На самом деле для научной реставрации не было, нет и, видимо, не возникнет полных и точных исторических данных. Первое воссоздание Михайловского и всех объектов Пушкинского заповедника строилось на гипотезе, обоснованной пусть и противоречивыми, но документальными данными. Новая реконструкция предлагает вместо этой гипотезы самую общую усадьбенную типологию.

На наш взгляд, на сегодняшний день очень важно обсуждение с привлечением широкого круга специалистов грядущего проекта реконструкции музейно-усадьбенного комплекса в Михайловском. Проекта, так и не вынесенного во всем объеме на обсуждение научным коллективом заповедника. Проекта, не имеющего в своем составе четкой оценки и характеристики существующего ныне памятника. Характеристики, исходящей из анализа истории воссоздания и реконструкции заповедника в послевоенные годы, современного состояния и перспектив развития с учетом

Валентина Филипповна Бутрина,
Валентина Александровна Елисеева — старшие научные сотрудники Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина.

специфических особенностей. Которые состоят не только в том, что Пушкинский заповедник как воссоздан, так и должен быть сохранен литературно-мемориальным музеем, но и исходя из самого понимания Михайловского как идеи. Идеи культуры и времени. На все времена. Из феномена существования Михайловского в национальном сознании. Существования прежде всего в качестве поэтической метафоры: это — «деревня — наш кабинет», и «остров уединения», и «приют опального поэта, не побежденного судьбой». Существования образа самого Михайловского как культурной идеи, личности самоутверждающей: сохранение культуры и самостояния личности благодаря корням, истории. Благодаря родному пепелищу не только в деревне, но и деревней, которая и рус, и Русь. Идеи, нашедшей конкретное, предметное воплощение в Михайловском и шире — в Пушкинском заповеднике — как месте. Вместе с его уникальным пейзажем, природой. И всем, всем, всем. Но строится культурно-досуговый центр с превалирующей образовательно-развлекательной функцией. Безграмотный перевод, калькирование идеи «музея-скансена» превращает заповедник в Диснейленд. Тогда как заповедность предполагает самые строгие ограничения использования и развития — и реставрационных изменений в том числе.

Решение о реконструкции было принято явочным порядком и дает на все про все три года. Поэтому заказчиком, НИИ «Псков-реконструкция», с самого начала, в апреле 1996 г., было заявлено — устами генерального директора А.Т. Васильева: производственные работы будут вестись с листа.

Вырубка тригорского парка началась раньше — в феврале 1996 г., без всякого проекта. Даже обсуждение результатов этой вырубки через полгода на ученом совете не сопровождалось демонстрацией проекта: проект был в работе и появился в конце сентября. В таких обстоятельствах независимая экспертиза проекта и вообще какое-либо оппонирование невозможно. Приглашенные на ученом совет специалисты только знакомились с проектом — тоже «с листа». При этом не только пушкинистам-филологам, но и музейщикам, хотя бы они проработали в Тригорском десятки лет, на совете было отказано в каком бы то ни было оппонировании, спорах, дискуссиях. На том «веском» основании, что они неспособны профессионально судить о такой «узкоспециальной» проблеме, как реконструкция парка. Но кто еще может возразить на ложь нашей дирекции, что планировка Тригорского парка восстановлена согласно вновь найденному плану 1847 г.? План этот геометрический, межевой, не позволяющий прочесть планировку.

Новое «деревянное зодчество» в Тригорском тоже впечатляет — и не только стилистикой, но и масштабностью, и самим количеством «объектов инфраструктуры», возведенных в нарушение режима зон охраны памятника. Так, в зоне самой строгой охраны, на усадьбе, выстроены: помещение для обслуживания персонала, или «людская», объемы которой превышают всякую мыслимую «типологию», — и типологически такой же «амбарчик» для хранения и содержания... средств малой и большой механизации.

В Тригорском же выстроены (в двухстах метрах от «дуба уединенного» и «аллеи Татьяны»), а в Михайловском намечены к строительству, и тоже в пределах охранной зоны, объекты собственной туристической инфраструктуры — два «усадьбенных комплекса» для обслуживания гостей. Эта стройка дублирует прежнюю туристическую инфраструктуру, существующую на окраине поселка Пушкинские Горы, обрекая на заведомую нерентабельность ту и другую.

В Михайловском, на том же расстоянии от усадьбы, намечается и строительство загадочного

для большинства научных сотрудников музея «центра по приему туристов». Проект его, как утверждает дирекция, прошел какую-то «государственную экспертизу». Какую, если строительство «центра» нарушает режим охраны памятника? Какую, если на экспертизу представляются ТЭО проектов, минуя концепции, минуя эскизные и рабочие чертежи: именно утверждение ТЭО открывает отпуск средств. В частности, объемистый «центр по приему» не нужен заповеднику иначе как для расходования бюджетных средств ради расходования и освоения капиталовложений ради освоения. Дело третьей очередности вызвано на первый план как позволяющее применять возможно более высокие проектные расценки.

Между тем центр по приему туристов у заповедника есть, это научно-культурный центр в том же поселке Пушкинские Горы, и он требует решения своих проблем, чтобы рассчитывать даже не на рентабельность, а хотя бы на самоокупаемость. Кроме того, не ликвидированы до сих пор последствия ураганов 1987 и 1989 гг., наглядные как в усадьбных парках, так и в заповедных лесах и угрожающие самому существованию последних. Не предполагается никаких конкретных мероприятий для поддержания в сохранности заповедных озер и реки Сороти, экологическое состояние которых вызывает серьезные опасения. И, уж конечно, ничего для улучшения условий бытования сотрудников и ветеранов заповедника, живущих на лесных кордонах и в деревне Савкино.

Проработки по эскизному проекту реконструкции Михайловского в апреле 1997 г. были отвергнуты научным коллективом музея единогласно, что запротоколировано. Дирекцию заповедника и научного руководителя проекта Никитина подобное решение удовлетворить не могло. Со словами, что столь ответственное для судьбы культуры решение не может быть отдано на усмотрение коллективу музея, они обратились с эскизами в Пушкинский дом. Ученый совет в ИРЛИ не состоялся, как не состоялся и комиссия Министерства культуры. Тем временем появились отнюдь не эскизный проект.

Случайно выяснилось, что флигели на Михайловской усадьбе, за сохранение которых мы столько бились, решено разорвать на своз (как говорят, в село Васильевское — на строительство церкви и дома священника). Разорвать, конечно же, ради восстановления исторической достоверности.

А «черный» ганибаловский пруд в январе был спущен и на дно его запущена тяжелая строительная техника: экскаваторы, бульдозеры, КамАЗы-самосвалы. Кто не знал, те догадывались о глубинной автономной (не путать с автоматической) подпитке прудов — об их «жизле», о ключах. Теперь нет ни ключей, ни глубинной подпитки, а есть «практически не изменяющийся уровень воды за счет автоматического его поддержания посредством наполнения артезианской водой из скважины».

Сегодня судьбу Пушкинского заповедника вершат люди, чуждые духу нашего музея и музея вообще. Для которых любые средства оправдываются далеко идущей целью создания качественно нового музея. Еще лучше и еще нужнее, еще рентабельнее и еще прибыльнее. Одним словом, музея на продажу. Главная проблема не только в преданности своему делу, но и в уважении к чужому. Журнал, театр, оидья от своей традиции, изменив ей, могут остаться журналом, театром, но — другим. А вот другого музея быть не может. Он погибнет, он станет собранием вещей, коллекцией, культурным центром, чем угодно, только не музеем. Потому что музей, тем более мемориальный и тем более пушкинский, — конструкция очень и очень жесткая.